

Галина Александровна Щекина родилась в городе Воронеже. Окончила Эртильскую среднюю школу № 2, экономический факультет Воронежского государственного университета. Работала экономистом, библиотекарем, журналистом. С 1979 года — в Вологде. Редактировала местную газету, альманах. Публиковалась в журналах «Подъём», «Дружба народов», газетах «Литературная Россия», «Книжное обозрение» и др. изданиях. Автор многих книг прозы и поэзии. Председатель Вологодского отделения Союза российских писателей (1996–2000). Живет в Вологде.

Галина Щекина

ЛЕПЕСТКИ

Рассказ

...Встает солнце, выливает вниз из своего ведра тяжелое, сладкое, оглушительное *веедро*. Целый отряд цветов выстреливает ярко-желтыми лепестками. На темной зелени горят, мелькают теплые язычки. Так горели бы газовые горелки прямо из грядки... И вдруг лепестки срываются и взлетают дружно. Ветер сдул лепестки? Да нет же и ветра. Цветы стали бабочками и вспыхнуло живыми искрами холодное небо. Одна бабочка кружится над водоемом, танцует вместе упавшими туда травинками, садится на лист, лист несет ее. Лягушка раскрывает рот на красивую захватчицу, но той уж след простыл.

...Когда Тоня строила дом, она мечтала, что детям будет свой угол. Они с мужем десятый год горбатятся, два этажа вывели, нулевой все никак. Но вы не думайте, они доделают и нулевой — там уже есть теннисный корт, но пол пока без покрытия. Хотели бассейн, но ладно уж, без бассейна. Дразнились дочки: бассейн выложить золотыми монетами, ни одной серебряной, будет хоть одна серебряная, не зайдем и родных не пустим, чтоб не позорились. Но позориться теперь особо некому. Старшая хоть и живет дома, но как бы уже отдельно, младшая тоже когда-то уйдет. Кому останется этот дом, эти невозможные хоро-

мы — столовая, кухня, два кабинета, библиотека, ванная, два туалета, пять спален и веранда крытая?

Старшая такая красавица у Тони, просто сумасшествие, с шестнадцати лет мужики убиваются по ней. Крутейшая грива разноцветных от природы волос — полосами темно-русыми и белыми, глаза, хмельно сверкающие серо-зеленым, слишком тяжелые глаза для детского-то лица.

Коммерсант ее выслеживал, когда экзамены сдавала в колледже. Тоня сторожила ее, чтоб не бегала по ночам, так этот коммерсант Гена складывал цветы кучей на крыльцо. Выйдешь утром — ах-ах-ах! Прямо в конвертах сверкающих, с лентами, из цветочного магазина, а то и в горшочках, но тоже с лентами. Однажды Тоня пришла с работы, а старшенькая мимо нее вихрем: гулять. Какие могут быть гулянки перед экзаменом? Мама, я умру (умоляюще). Мам, да ничего такого. Он просто дарит цветы, говорит всякое, в кафе водит — *просто...*

Ночью пришла, рот до ушей: любит. И бряк на трюмо пузырек с духами в бархатной коробке. И еще коробки. И шоколад. И Тоня не выдержала. «И ты на это барахло польстилась?» — «Не барахло, это стоит шесть сотен, сама видела». — «Ах ты видела? А ты вот это не видела? (Грубый жест Тони). Когда дарят, приятно. А когда платить?» — «Мам, ты плохо думаешь о людях. Гена бесподобный...» — «А какой бесподобный? Ну машина, ну деньги, ну в белых пиджаках. А сам лысый и лет на четвертый десяток...»

Старшенькая рыдать. Вот так она экзамены в колледже сдавала, в лихорадке — по всем ночам по окнам прыгала, когда он из машины сигнализировал. Высунет голову в форточку — и заливается смехом на всю улицу. Он что-то говорит отрывисто из открытой машины, а она прям из форточки готова выпасть. Гоняла ее Тоня от форточки, гоняла, потом экзамены кончились, надо на работу идти, а старшенькая как чумная — я не стану работать, да зачем мне работать, у меня и так будет все. Глазищи в поллица слезами налила, под ними круги в поллица, рот — как малина рдеет, волосы — как нимб разметались вокруг лба. Что ж, совсем обезумела девка, это в шестнадцать-то лет, а что будет в двадцать?

...Бабочки осели обратно в траву и вспыхнули ноготками, настурциями, львиным зевом, бархотками. Только что их была туча, от этого мельканья, трепета-шороха рябило в глазах. И уже застыла туча из бабочек лепестками цветков, и Тоня стала поливать цветы, прибрала метлы и ведра, заведующая пришла как раз, она с утренней работы прибежала, моет пол в банке. Заведующей Валюшке Куцей, тайно прозванной Эволюцией за интеллигентность, все сочувствовали. Тяжелая история с сыном получилась, в армии все нутро отбили, а потом еще и мать в госпиталь не пускали. Кое-как через совет солдатских матерей удалось его из госпиталя увезти, и справку выдали — к службе, дескать, не годен. Валюшка стала выхаживать сына, не надеясь ни на что. Вот уже полгода это тянется, надо Валюшке успевать на пяти работах, да второг из деревни возить, масло, сметану. Сама Валюшка ничего этого не ест, но все понимают, соглашаются внутренне, второг разбирают...

«Тонечка, вы два берете? Один? Ну ладно, один второг и сметана. И еще одно дело! Разумеется, меня предупреждали, но все-таки поймите правильно, случай исключительный. Люди интеллигентные, о, это что-то. Сама из номенклатуры, дочь в банке, зять в Питере. Сын у них. Не выручите, посидите? Нет, в садик его проблемно, сильнейшая аллергия.

Ничего, ничего нельзя. Вы уж как-нибудь, Тонечка. Знаю, что сложная ситуация, дом, дети, муж, старики... Все знаю, дежурите аккуратно, воспитателей подменяете. Дети к вам льнут. Да, никаких рекомендаций, слова моего довольно. Сколько ни дадут — все больше, чем наши ставки садике, а питание у них будет трехразовое... Стаж не прервется у вас. Вы же сторож. Совсем недалеко отсюда — квартал...»

...Когда пощелкает дождь, Тоня садится пороть старые пальто и платья. Она все это по швам разделяет, у нее специальная штучка есть, загнута-острая, чтоб не наделать дырок... Потом все постирает, выгладит утюгом «Ровента» на пару и начинает резать квадраты или ромбы. Если ткань не сыплется, значит, можно резать зубчиками и шить поверх. Когда накопится квадратов целый пакет с ручками, Тоня кладет все на пол и составляет узор. Бывает, она сидит над этим неделю, бывает, месяц. Вся эта штука началась, когда она купила книжку по лоскутному шитью, английскую. Там все было показано, как делать. И Тоне полюбились делать из дерьма конфетки.

А когда показала заведующей, та просто села. И, всплескивая руками, не верила, что одеяло-то самодельное. Ткань как новая, хлопок с блеском, вроде сатина. А посередине огромный как бы пион. И поскольку лепестки расходятся от центра до краев по кругу, в центре — голубовато-белое, а дальше — все темнее, до густо-сиреневого...

Тоня долго смотрит, голову наклонит, все улыбается, мечтает, вертит так и сяк, отходит к окнам слушать дождь. Распахнет все окна на веранде, ветер раздувает занавески, и они по ней скользят и бьются. А Тоня смотрит вниз со своего второго этажа и видит, как во двор машина едет — Гены этого поганого. И старшенькая, ясно, вылезает и бежит домой вся в ворохе букетов и бутылок с французскими духами. Купили девку за рубль двадцать.

А младшую Тоня никогда не видит и не слышит, когда приходит. Тихо та идет, ключами не швыряет, кошку не пугает и ботинки моет сразу.

«Ты будешь, родненькая, свежие котлетки?» — «Не надо, у меня пост». — «Ты в сквер пойдешь с подружками?» — «Я лучше почитаю». Ну куда, куда не ходит ребенок, и разницы у них всего-то четыре года.

Тоня смотрит в сад, как груши-яблони колошматятся в дожде, ветками топорщатся, в окна лезут, мало им на улице пространства. Зеленые яблочки стучают по цветам, и цветы прибывает к земле. И как это одно растение топчет другое? Не может же этого быть. Надо что-то думать с дочкой. Надо увезти ее куда-нибудь, сберечь.

Тоня взяла молитвослов и стала читать молитву ко всем святым и бесплотным небесным силам. Она просила оградить целомудрие дочери от насилия — и так молилась каждый вечер и каждое утро...

Антон приехал со стройки, где ставили бензоколонку по последнему слову техники. Он пять дней работал, ломил там, а на выходные приезжал. Раньше-то, при городской работе, мог кран подогнать, и раствору забросить, и рабочему дать подкальмить. А теперь не стало в городе работы, так он и рванул в село. Всего ночь езды. Да привозил свежего мяса по дешевке. Антон любил комфорт и ванну не по разу на день. А тут вскоре

заведующая помогла ей купить путевку в хороший санаторий. Старшенькую собрали тщательно и увезли на такси рано утром, в четыре часа. Вывели ее как больную, под белые руки. Вечером того же дня был Гена и, узнав, что любезной нет, умчался на своей поганой машине с перекошенным лицом. Он крикнул в окно, что сожжет дом, раз такое дело!

Дней через несколько, когда Тоня была в саду с младшей, постучала в калитку девочка. Беловолосая, в шортиках, майке и с сигаретой. Тоня думала, что это к старшенькой подруга, и крикнула, что той нет! Но девочка помотала головой и сказала — я знаю, выйдите. Тоня сполоснула руки в бочке, подошла. Девочка то сжимала ручки на груди, то бросалась курить, потом забывала о сигаретке, и та гасла.

Девочка, запинаясь от волнения, просила тетю Тоню простить ее папу. Ведь папа любит вашу дочь безумно, он сделает ее счастливой. Тоня обомлела, когда до нее дошло, чья девочка. Гены поганого дочь! Ну неужели до такой он степени дошел, что подослал своего ребенка? Зачем впутывать ребенка? Как вообще можно ребенка впутывать? Поймет, что он на последнем месте у папы. На первом ясно кто...

Да. Но вы не плачьте, девушка, никак я не могу вам ничего обещать. Они не пара, понимаете, ну вот и вы не понимаете. Проводив ребенка, Тоня долго стояла в саду, забыв про виноград и флоксы. Их розовые лепестки устилали землю душисто и немо. Сначала шапками идут, шапками, точно пена на варенье прет, а потом застывают, вроде облитые лаком. И вот уже смяты края, сдуваются шапочки, все. Все должно погибнуть нежное, чтоб опять расти. В мире полный ужас и бесчестие. А старшенькая далеко. Там есть охранник, его муж нашел за хорошие деньги. И он хорошо будет охранять. Дочка будет гулять у озера, крепко спать. Будет ванны принимать, питаться по диете. Она успокоится. Там, говорят, хорошая культурная программа. Экскурсии там, природа. И все такое.

...А чтоб не плакала старшая, не металась, мать сидит и читает молитвы. Утром рано прежде всякого вставания-потягивания, в ночнушке, стоя перед массивными иконами босиком, Тоня читает тихо и страстно. И ночью — когда сидит на дежурстве, накинув старое пальто, положив молитвослов на старый детский столик с ежиком. Потому что старшенькая — вся Тонина любовь и надежда, вся мечта о чудесной беззаботной жизни, все то, что вытерпела Тоня, — это ради нее, старшенькой. Для ее непрерывной и нескончаемой радости, для сияния ее итальянского личика.

Сосредоточившись на том, чтобы отдалить беды от старшенькой, Тоня не была сурова с младшенькой. Она ее не уговаривала, просто за неимением сил говорила с той как с равной. И подвязывали виноград они вместе, молча, и старые кофты в церковь несли вместе, и на дежурство в ночь вместе шли, молча.

А однажды, когда младшенькая, поймав усталый Тонин взор, поднялась мыть посуду, Тоню вдруг осенило — ее по-настоящему, безмолвно слышат и угадывают мысли. Ей неподручно было говорить вслух, иногда неудобно, ей казалось, что она все должна сама делать и умеет лучше других. Но младшенькая угадала.

А когда соседка попала в беду, они вместе побежали в церковь заказать молебен. Тоня, отстояв службу, засмотрелась на полупустой уже храм. Младшенькая молчала, устремив глаза под купол — не рассеянно, а пристально смотрела. В шелесте и гулкости большого помещения она не была случайной в луче света. Она была частью всего этого. Не потому,

что знала молитвы, правила исповеди и то, куда и кому надо поставить свечу. Все это она делала легко, машинально, поглощенная другой, более важной мыслью. Как будто ждала младшенькая, что ее терпеливое бдение вот-вот вознаградится. Спокойно было лицо ее, спокойна бело-сметанная трепетная кожаца, всегда опущены глаза при очень поднятых бровях. А здесь — она стояла, устремившись вверх, и не было сомнений больше: она видела то, что не видела Тоня. Уняв счастливые слезы, Тоня прошептала: «Разные, до чего разные...» На выходе ее обнял ветер — шелест и шепотом в уши. Листья над головой шевелились, пропускающая вспышки и пригоршни солнца — его, солнца, отряхаемые лепестки. На Тоню тоже падал этот зыбкий золотой свет — и она думала об этом благодарно. Она хотела бы собрать отдельные лепестки в один легкий ковер. Собирает же она треугольные лоскуты в узор покрывал... по отдельности ерунда, мусор, а вместе такое любование. Даже хмурый муж, увидев ее покрывало, тоже не поверил, что самодельное.

* * *

Мальчик, мальчик беловолосый в это время ждал, как решится. Он сидел столбиком на необозримом диване, сложив руки на коленках. Ноги подогнуты по-восточному, штанишки крохотные джинсовые, в сверкающих заклепках, майка банановая желтая. Неслушный мальчик, он у доктора не хотел как следует открывать рот, и теперь мама Инка обиделась. Она будет греметь крышками, напевая, что-то варить, говорить по трубке, перекрикивая телевизор, потом открывать окно, кричать в окно с картошкой в руке. Она будет всю балабанить, не замечая его, мальчиковых, слез. А мальчик Кузя такой — он тоже первый не подойдет. Он тоже хотел бы посмотреть телевизор и балабанить. И когда Инка отопьет из большой бутылки желтое, просить себе сок или коку. И ему бы тоже дали детский сок — а коку нельзя, вредно. Мама Инка гремела, Кузя терпел. Потом пришла баба Ульяна, стала качать головой и молчать. Она платочком Кузины слезки вытерла и на кухню. Ала-бала! Ала-ла! Стали на кухне с мамой кричать. Кузя терпел.

Когда папа уезжал в свою работу, он сказал:

— Терпи, Кузя. Все будет бананово.

И Кузя терпел, не орал. Но потом опять бананово не было. Что толку терпеть? И тогда он лег тихо на спинку и уставился на круглый аквариум у дивана. Там цветное конфетти кружилось замедленно, листики желтые и красные опадали, ниточки зеленые извивались. Рыбки шныряли, как молнии — чирк, чирк. Им все можно, ему нельзя ничего. Автомат купить нельзя, папе звонить нельзя. Тогда он и взял да толкнул аквариум ногой! Сам не понял, зачем. Бдряммм! Он не испугался, а стал смотреть, что будет. Рыбки заскакали по коврам. В это время звонок у двери. Ку-ку, ку-ку. Папа звонок повесил для Кузи, чтобы лес был.

Вбежали баба Уля, мама Инна и тетя. Стали руками плескать да вздыхать. Мама и баба — ала-бала, ала-бала! Тетя рыбок собрала в баночку, аквариум подняла. На ковре полотенца разложила банные. Подошла к Кузе погладила по голове и сказала:

— Скучно? Тебе скучно, Кузя?

Он закивал.

— А рыбки могут желание исполнять, знаешь? Но только золотые. А ты их вылил.

Кузя подошел, показал пальцем на вуалехвоста в банке, который не плавал, а тупо лежал на дне.

— Бо-бо.

— Конечно, Кузя. Болеет рыбка. Не делай так.

Он опять сел столбиком на диван.

— Кузяяя... — вкрадчиво сказала тетя. — Ты — Кузя... — И она положила ладошку на Кузину грудь. — А я — няня Тоня... — И положила руку себе на грудь. — Подружим, что ли?

Ладонь была тепленькая. Кузя взял ее руками и снова к себе приложил...

С первого дня голова у Тони загудела. Этот дом все силы у нее вытягивал, и не брезжило никаких просветов. Инна работала в банке, уходила рано, поэтому Тоня старалась убрать садик как можно раньше, сбегать домой, пошерудить на кухне, потом сразу в особняк Зерниных, кормить Кузьму, гулять Кузьму, потом разговаривать, заниматься, потом быстро на рынок, ребеночка на ручки, он больно тихо ходит.

По рынку Тоня неслась быстро, ведь Инна могла увидеть ее — и тогда все воспитание быстро бы кончилось.

Мальчик беловолосый, сонный и безразличный, только покачивался на руках, как на верблюде. Пока Тоня платила, он мог схватить яблоко, сливу, и продавцы даже не возмущались — махали рукой: идите, идите с ребенком. Но Тоня, отбежав, отбирала у Кузи все, что он прихватил. Не углядишь — в рот потащит. Так получилось однажды. Схватил клубничину, сунул в рот молчком, а проснулся после тихого часа страшной атомной войны, сыпью покрыт. Мама Инна является с работы, а тут не пойми кто сидит!

— Кузя! Тебе нельзя мандарин! Ты сыпью покроешься!

Когда приехал папа, он велел Кузю красиво одеть и посадил его в машину джип. Пристегнул. Мама смотрела на сборы, стояла. Но папа велел няне с ними ехать. Маме не разрешил. При няне Кузя не бесился. Он только тихо пинал няню ногой и показывал кулак, но няня все время улыбалась. Няня Тоня, наскоро причесав свои мокрые кудри, держала Кузю за ручку и кивала ему. «Что творят! — думала она. — Помирить их надо. Что ж они как собаки, а Кузя мучится».

— Что ему купить? — спросил Зернин.

— Не надо ничего, — ответила няня. — И ягоды ему нельзя, будет сыпь, а от оружия в нем агрессия. Не надо ему автоматы покупать, он стреляет, грохот, слова нельзя сказать. Игрушки в окно кидает. Людям на голову.

— А что вы советуете?

— Вот таких куколок. Что на ручку надевают. Чтобы сказки играть.

— Да какие сказки, что вы...

— Трех поросят.

— Гм, — покачал головой Зернин.

— Вы у меня просили документ об образовании. У меня с собой.

— Да ладно. Вы правда думаете, он заговорит?

— Заговорит. У нас все говорят. Со временем.

Они приехали в какой-то белый кабинет. Там тетки в белых халатах все писали и что-то папе говорили, потом няне говорили. Ала-бала. Кузе было жарко, одиноко — и он заснул. Обратного Зернин на ручках нес.

«Почему же он такой красный? — думала няня Тоня. — Может, потому что я в халате, словно из кухни вышла? Так меня никто не предупредил наряжаться-то».

Ей было жалко могучего Зернина, который украдкой гладил губами голову Кузи, жалко его нервную жену Инку, которую даже не взяли на комиссию. Но няня ответила на все вопросы. И как занимается с ребенком, куда водит. Инка же не занимается, только ругает. В общем, разошлись, а ее бросили на прорыв. Эх, родители... Сами не полюбили дитя, так давай ты, няня. Люби за деньги...

После работы в особняке Зерниных худенькая женщина в горошистом платье поспешила домой, чтобы покормить стариков. Цистерну овсянки, опять наваренную бабкой, ела постепенно сама, но знала, что завтра будет такая же цистерна. «Мама, кому варите? А сами не едите. — Нельзя такую сладкую. — Так не варите. — А как же?..» Беспольный разговор. На дежурство в садик пришла поздно. Огляделась — нет ли щелок света, не зашлепала ли заведующая. Нет. Выключилась стиралка, зашипела. Надо развесить белье. На кухне все вымыто, то стоит приготовленная кастрюля с мытой свеклой. Это сварим за ночь. В холодильнике рыбная котлетка и кефир. Ишь ты. На дежурстве Тоня обычно то и то делала, работала по мелочи. Чинила одеяльца, прищепки ломаные. Потом читала молитвы. Окна садика выходили на площадь. И когда на площади проводили праздник, становилосьлюдно и шумно, дежурить было спокойнее. А тут вроде все тихо. Музыка не гремит, ракетами не пуляют...

Около двух почти задремала после обхода. Посыпались стекла! Взяла рупор — и на склад. «Стой! Ни с места! Сторож, вызывай полицию». А сторожей, кроме нее, никаких. Два алкаша кинулись назад в окно. После рупора вбежал и залаял Дружок! Ох и голос у крохотного песика. И вот показалось, что он с ней не пошел. Участковые с площади подъехали, а уже все пусто. Акт составили, фанерой окно закрыли. «Антонина, когда решетки поставите?» — «Поставим...» Ее трясло. Воры метили на сахар-песок, не успели. «Тихо, тихо, Дружок. Умница моя!» Какой теперь сон... Сварила свеклу.

В четыре светло уже. Пошла участок мести. В песочнице мадам сторожика обнаружила толстого, хорошо одетого человека. Светлые брюки, дорогая барсетка. «Вставайте, мужчина, уходите, пока нет никого. А то придут тут из полиции... Объясняй им». Человек не вставал, только мычал.

По площади проехала с воем «скорая». Человек медленно сел, держась за голову.

— Где я?

— В детсадике. В песке.

— Вы кто?

— Сторож. Уходим, говорю, уходим...

— Да нет, я спрашиваю, где, в смысле, город...

— Воронеж, пригород...

Лицо толстого человека исказилось. Он явно не ждал такого ответа. В черных глазах плескалась мука, не выразимая словами. Дружок и тот скорбно молчал.

